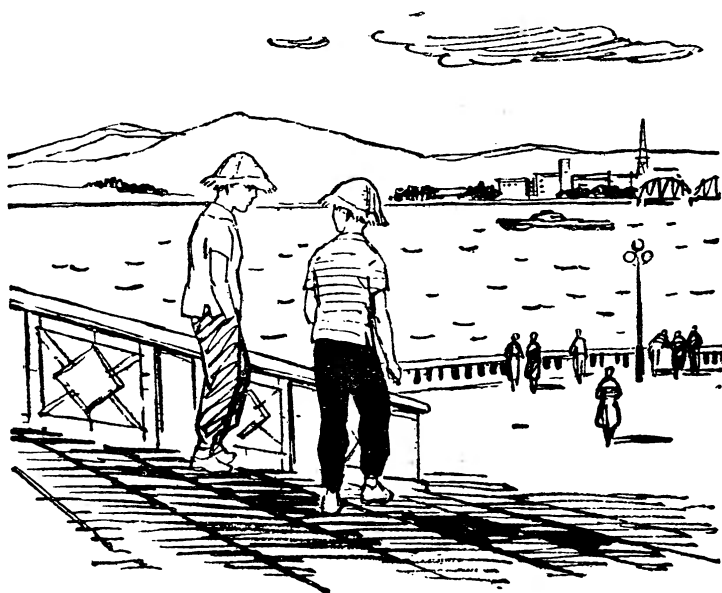

Часть первая

МОСКОВСКИЕ ГОСТИ

Тима по привычке встал рано, хотя торопиться было некуда. Через настежь открытое широкое окно в комнату вливался душистый воздух. Пахло утренней свежестью, цветами. На синем небе ни облачка. Солнце, умытое обильной росой, не жгло, а только ласково пригревало.

Хорошо!

Тима подошел к окну. Оттуда открывался великолепный вид на уходящие вдаль холмы, на широкий канал, на хлопковые поля, раскинувшиеся по ту сторону канала, на сады...

Тиме все это было так знакомо! Еще бы! Сколько лет жил он в этом доме, построенном одним из первых в оазисе Джохор. Сколько раз, поднимаясь утром, он смотрел на этот вид из окна своей комнаты.

Его отец — инженер Сергей Петрович Долинский — был в числе первых поселенцев Джохора. Он привез сюда Тиму совсем маленьким, и мальчик рос вместе с молодым поселком.

Теперь Тиме уже исполнилось четырнадцать лет. Из худенького, щуплого малыша он превратился в долговязого, крепкого подростка с живыми серыми глазами, с копной непокорных вьющихся волос, небрежно зачесанных назад.

Тима смутно помнил те времена, когда в оазисе было не больше пятнадцати—двадцати домов, а теперь их стало несколько сотен. Не поселок, а прямо-таки городок.

Да это и был научный городок. Огромные опытные хлопковые поля, сады, молодые рощи принадлежали Институту селекции, где работали Тимины родители.

Вдоль широких улиц выстроились нарядные двухэтажные особняки, сложенные из белого камня. В них жили научные сотрудники института и обслуживающий персонал.

Белые стены коттеджей прятались в зелени садов и вьющихся растений, только шиферные крыши поднимались над кронами молодых деревьев. Каждый дом был окружен садиком, так что весь Джохор утопал в зелени.

Тима побродил по комнатам. В доме тишина. Мама ушла на работу, отец вот уже с неделю, как уехал в Москву, в командировку.

Слегка прихрамывая, Тима поднялся по винтовой лесенке на крышу, где была устроена небольшая площадка. Здесь обычно вместе с отцом он делал утреннюю зарядку. Сегодня ему, пожалуй, следовало воздержаться от гимнастики. Нога еще побаливала, и доктор велел соблюдать осторожность. Но Тима так привык к этой утренней процедуре, что отправился на крышу почти машинально.

Тима взглянул вниз, на улицу.

Вот идет женщина в пестром платье, в широкополой шляпе, защищающей от солнца, с плетеной корзиночкой в руках. Она встретила знакомую, и обе остановились поболтать в тени молодого каштана. Вот неторопливо шагает мужчина в просторном белом костюме; наверное, направляется к остановке автобуса, что возле бетонного моста, перекинутого через канал. Целая гурьба загорелых мальчишек в одних трусиках выбежала из-за угла. . .

«Бегут купаться, — решил Тима, нагибаясь и выпрямляясь сильными, ритмичными движениями. — Счастливые! Им хорошо — у них целая компания! А я. . .»

Тима нахмурился. С досадой подумал он, что теперь, в эту минуту, его товарищи уже далеко. А он торчит тут один на своей крыше. Всё из-за этой чертовой ноги. И надо же было прыгать с дерева, удаль свою показывать! Конечно, прыгал он не раз и всегда удачно, а тут взял да и растянул связки. Ужасно досадно! Главное, сколько мечтал он о походе в горы! И вот как все сложилось неудачно. Э-эх!

Тима уныло перекинул через плечо мохнатое полотенце и, прихрамывая, отправился под душ. Потом нехотя поплелся на кухню — позавтракать.

Всегда живого, порывистого, Тиму сегодня будто подменили. Двигался он вяло, был какой-то весь развинченный, ленивый. Он уныло думал о том, что ребята раньше чем через две-три недели не вернутся, что это время он будет совсем один. . . Этак можно помереть со скуки, и, право же, во всем мире нет человека несчастнее его. . .

И папка, как назло, уехал! С ним всегда хорошо. Интересно и весело. Можно было бы нет-нет, да и в «домик» сходить; там всегда нашлось бы для него дело. Нет уж, во всем невезенье, все одно к одному.

В кухне на столе Тима увидел распечатанную телеграмму. Наверное, от отца!

«Задерживаюсь Москве недели на три четырнадцатого встречайте гостей Катю Виктора целую папа».

— Ого! — радостно встрепенулся Тима. — Вот здорово! Ну и молодец папка — всегда выручит! «Встречайте четырнадцатого...» Позвольте, да ведь это же сегодня! Сегодня! Сегодня!..

— Что — сегодня? — услышал Тима за спиной знакомый голос.

Тима быстро обернулся. В дверях стоял невысокий худенький подросток — китаец, одних лет с Тимой. Он был в синих спортивных сатиновых штанах, в белоснежной легкой куртке, застегнутой на большие перламутровые пуговицы; короткие рукава обнажали загорелые руки выше локтя. Мальчик обмахивался белой войлочной шляпой, — такие обычно носят у нас в Крыму или на Кавказе.

Это был Ван Лин, лучший друг Тимы.

Тима никак не ожидал увидеть его. Ведь он должен был вместе со всеми уйти в горы. Тима несколько секунд смотрел на него с величайшим недоумением, а потом даже подпрыгнул от радости. Подпрыгнул и поморщился — нога!

— Ван, дружище! — воскликнул он, хлопая приятеля по плечу. — Вот не ожидал! Почему ты здесь? Ты ведь так хотел...

— Я хотел, ты хотел, мы хотели... — перебил его Ван и улыбнулся.

— Вы хотели, они хотели... Нет, это все-таки здорово! Но объясни: в чем дело?

— Очень просто. Не хочу один... без тебя. Вот и всё. Хватит?

— Даже слишком!.. Да, Ван, тут такая история. Отец прислал телеграмму. Читай!

Тима протянул ему листок.

— Катя? Виктор? Я не знаю их, — сказал Ван.

— И я тоже. Не беда. Познакомимся. Они из Москвы. Катя — дочка маминой подруги, Виктор — сын папиного товарища. Я их и не помню совсем. Я был еще малень-

кий, когда мы жили в Москве. Папа давно хотел их пригласить — ведь у нас тут, как на курорте. И вот удобный случай: летние каникулы. Хорошо, что мы с тобой не ушли в горы, а? Хорошо, хорошо, это очень хорошо!

Тима шутливо толкал Вана в бок, грудь, спину.

Тот, смеясь, отбивался и приговаривал:

— Сумасшедший!.. Вот сумасшедший!

В столовой пробили часы.

— Ого! — закричал Тима. — Пора идти встречать на пристань. Они, наверное, с «крылатым» приедут.

«Крылатым» называли катер-экспресс новой конструкции, с подводными крыльями.

— А может, с автобусом? — предположил Ван.

— Может, и с автобусом, — согласился Тима. — Но автобус все равно приходит позднее. Так что пойдем пока на пристань.

Тима быстро натянул такие же, как у Вана, синие спортивные штаны, надел белую курточку и, захватив войлочную шляпу, объявил:

— Я готов. Пошли.

Тима был очень доволен. Подумать только, сколько неожиданностей, как все чудесно изменилось! Приедут новые товарищи — это раз. Ван, его лучший друг Ван, остался с ним — два. Вот будет весело!

Он дружил с Ваном с тех пор, как тот приехал в Джор из Китая. Родители Вана изучали некоторые советские методы переделки природы растений и работали в том же Институте селекции, где и Тимины родители. Обе семьи часто бывали друг у друга. Так что дружба была, можно сказать, семейной. Командировка родителей Вана из двухлетней превратилась в шестилетнюю; правда, поговаривали уже о близком отъезде, но, во всяком случае, летние каникулы друзья проведут вместе, а там видно будет! Нечего заглядывать вперед.

На пристани Ван и Тима уехали в тени под полотня-

ным навесом, нетерпеливо поджидая прихода «крылатого».

Голубую гладь канала пересекали быстроходные катера, маленькие буксиры тянули баржи. Для небольшого научного городка пристань была достаточно оживленной.

Станным казалось, что на том самом месте, где теперь стоит многолюдный Джохор, не так давно был только маленький оазис, затерянный в песках пустыни. Вода здесь появлялась лишь в особо благоприятные годы, и оазис служил перевалочным пунктом для караванов. Опытные проводники вели их сюда, чтобы под прикрытием холмов пережить песчаные бури. Саксаул да колючки — вот и все, что здесь росло раньше; от палящего солнца поглубже в пески зарывались змеи, ящерицы, скорпионы.

Но провели канал, и, словно по волшебству, как в сказках «Тысячи и одной ночи», вырос чудесный городок, зацвели сады, раскинулись хлопковые поля, огороды, бахчи...

Оазис Джохор рожден каналом, живет каналом; про него, как про древний Египет, который называли «дар Нила», можно было сказать «дар канала», только дар этот не дан природой, а насильно вырван из ее рук. Тем больше чести!

— Идет, идет! — сказал Ван.

Он первый заметил экспресс, изящно скользивший по воде, и весело замахал своей широкополой войлочной шляпой.

Несколько человек сошли с катера — мальчики их знали. Это были две сотрудницы Института селекции — наверное, вернулись из командировки, — еще кое-кто из обитателей Джохора и, наконец, какая-то незнакомая старушка. Она последней спускалась по сходням. Больше никто не приехал.

Гм... Досадно. Мальчики разочарованно взглянули друг на друга и уныло поплелись домой.

— Наверное, приедут позже, автобусом, — решил Тима. — Пойдем к нам, позавтракаем, я сегодня еще ничего не ел.

Когда Тима толкнул калитку садика, окружавшего их дом, он сразу увидел на скамейке, под каштаном, светловолосую девочку, одетую в пеструю ситцевую юбку и белую кофточку с черным бантиком под самой шеей; рядом с ней стоял какой-то паренек лет пятнадцати с зачесанными назад темно-каштановыми прямыми волосами, в светлом франтоватом костюме.

Возле скамейки на траве стояли чемоданы, и на них небрежно были брошены светлые плащи.

Тима даже остановился от неожиданности, потом оглянулся на Вана, как бы спрашивая: «Это еще что такое?» — и только потом сообразил, что перед ним те самые гости, которых он так нетерпеливо ждал.

— Вот наконец и хозяйева пришли!.. — весело заговорила девочка, вставая со скамейки.

Паренек отступил в сторону, давая ей дорогу. Он был высок и широкоплеч.

— Кто же из вас Тима? — продолжала девочка. — Наверное, ты?.. — И она остановила свой взгляд на Тиме. — Ты очень похож на своего отца. Давай знакомиться. Я — Катя, а это, — и она кивнула в сторону паренька, — Виктор.

Виктор что-то пробормотал себе под нос, а Катя весело шепетала за двоих. Она заявила, что ужасно рада встретиться с Ваном, что ей всегда хотелось побывать в Китае и узнать как можно больше об этой прекрасной стране.

— Нет, — перебил ее Тима, — все-таки это чудно! Мы же вас сейчас встречали на пристани, во все глаза глядели. Как же так? Или вы с неба свалились?

— Почти, — засмеялась Катя. — Мы ведь прилетели на самолете, а с аэродрома нас подвезла попутная легковая машина.

— Про самолет мы и забыли... — обескураженно пробормотал Ван.

— Верно! — воскликнул Тима. — Ну, в конце концов это и неважно. Приехали, не потерялись. Что будем делать?

— Во-первых, нам нужно хоть руки помыть. Правда, Виктор? — сказала Катя.

— Да не мешало бы, — произнес наконец Виктор. Он все время молчал, держался сдержанно. Тиме даже показалось — высокомерно.

«Экий пижон! — подумал он с некоторой неприязнью. — Не то что мы с Ваном — в сатиновых штанах. Ну ничего, придется ему расстаться с этими московскими брючками. Тут, брат, не улица Гор кого, а оазис в пустыне».

— Тима, надо душ, — посоветовал Ван. — Дорога пыльная...

— Я осел! — спохватился Тима. — Ну конечно, валяйте под душ! Он у нас в садике. Это папка устроил.

— Душ, душ! — захлопала Катя в ладоши. — Чур, я первая!

Она открыла чемодан, достала оттуда мохнатое полотенце, мыло и побежала по дорожке, куда показал ей Тима.

Мальчики понесли вещи в дом.

Тима поставил Катин чемодан в спальне у мамы, а Виктора проводил к себе.

— Будешь жить со мной, не возражаешь? — сказал он.

— Конечно, нет! — ответил Виктор.

И опять показалось Тиме, что сказал он это небрежным тоном: «Мол, раз уж я приехал в эту дыру, суй меня куда хочешь».

— Будем завтракать, — решил Тима. — Не знаю, как вы с Катей, а я так зверски голоден...

Он поставил на стол всю еду, какую только обнаружил в холодильнике.

Пока разогревался завтрак, Катя и Виктор успели принять душ. И Тима повел их на кухню, где все так и блистало чистотой. Ребята, весело болтая, уселись за белый кухонный стол.

Солнце уже поднялось высоко и немилосердно жгло.

— Ой, как жарко! — сказала Катя, обмахиваясь газетой, как веером. — Может, это с непривычки, но я буквально задыхаюсь!

— Сейчас будет прохладно... — заверил Тима. —

Ну-ка, Ван, давай захлопнем ставни... Да ты сиди, сиди, — сказал он Кате, которая вскочила, чтобы помочь, — мы сами. Ты гостья!.. Включи холод, Ван.

Ван повернул выключатель.

— Вот мы как живем! — горделиво заявил Тима. — Оазис в песках! Солнышко, оно не хочет отказываться от своих привычек, как говорит мой папа, а мы его перехитрили. Раз — и холоду нагнали.

— Кондиционер! — поднял брови Виктор. — Домашний климат? Интересно. Я не знал, что он у вас тут в ходу.

— Ты, брат, многого еще не знаешь, — многозначительно подмигнул Тима. — У нас не хуже, чем в Москве, имей это в виду.

— Только, наверное, скучней, — заметил Виктор.

— Ну, не знаю. Нам с Ваном совсем не скучно... Правда, Ван? У нас, брат, дел всегда по горло.

Сквозь закрытые ставни пробивался луч света, и Катя заметила на окне какую-то стеклянную ванночку.

— Что это? — спросила она.

— Это? Сенной настой для инфузорий, — ответил Тима. — Выращиваю малюток. Понимаешь, мы с Ваном интересуемся всякой этой мелочью, особенно Ван. Он такие опыты ставит — прямо как настоящий ученый.

Ван вздохнул.

— Что вздыхаешь? — засмеялся Тима. — Хочется в «домике» побывать?

— В «домике»? Каком? — спросила Катя.

— Так... — неопределенно протянул Тима, переглянувшись с Ваном. — Как-нибудь потом расскажу. А ты чем интересуешься? Ничем?

— Нет, почему же, — сказала Катя. — Географией. Мечтаю о путешествиях... Виктор тоже, — прибавила она.

— Но не как географ, — заметил Виктор. — Я собираюсь стать кинооператором. Как мой отец. Он ведь на «Хронике» работает.